
УДК 94(470.6)
ББК 63.3 (235.7)
Ш 36

Ф.Х. Шебзухова,

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной истории Адыгейского государственного университета, тел. 8 903 465 19 43

В.Н. Мальцев,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, тел.: 89604994225, e-mail: zenturion09@rambler.ru

**Северо-Западный Кавказ в составе Российской империи:
от военного покорения к поиску путей интеграции
и осуществления аграрных преобразований**

(Рецензирована)

Аннотация. Автор пытается определить основные задачи Российской империи в Северо-Кавказском регионе на пути его интеграции в единое российское территориальное, социально-экономическое и политическое пространство, методы их решения, а также показать достижения и обозначить препоны, тормозившие решение проблемы.

Ключевые слова: горская периферия, горские общности, «национальный колорит», генерал-адъютант, туземное население, аннексия земли, этносоциальная политика, сословно-поземельные отношения, легитимизация статуса, инкорпорация, владельческие права.

F.Kh. Shebzukhova,

Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of National History Department, Adyghe State University, ph. 8 903 465 19 43

V.N. Maltsev,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, ph.: 89604994225, e-mail: zenturion09@rambler.ru

**The Northwest Caucasus as a part of the Russian Empire:
from military conquest to search for ways of integration
and realization of agrarian transformations**

Abstract. An attempt is undertaken to define the primary goals of the Russian Empire in the North-Caucasus on ways of its integration in Russian uniform territorial, social, economic and political space, methods of their decision, as well as to show achievements and the obstacles, braking a solution of a problem.

Keywords: mountain periphery, mountain communities, “national color”, a general aide-de-camp, the native population, earth annexation, ethnosocial policy, class-land relations, a status legitimization, incorporation, the right of possession.

Продвижение Российской империи на Кавказе было обусловлено важностью этого региона как в геополитическом, так и социально-экономическом плане. Среди него определенное место имела мирная колонизация региона.

Однако победы России в русско-турецких и русско-персидских войнах второй половины XVIII — первой половины XIX вв. изменили характер взаимоотношений имперского «центра» и горской периферии. Строительство си-

стемы военных крепостей и форпостов, отсекающих плоскостные районы от предгорий, насильственное введение у народов Северного Кавказа родовых судов и приставств, вторжение в политическую и хозяйственную жизнь горцев стало нормой. Сложившаяся система управления носила явно выраженный военно-колониальный характер.

Попытки горской элиты изменить ситуацию в крае подавлялись карательными походами российских генералов. Тем не менее следует подчеркнуть, что взаимоотношения России с горскими народами были несколько шире, чем одна колониальная экспансия. Например, строились укрепления берегов р. Терека и Кубани, дороги и мосты, создавались ирригационные системы. Россия занималась проблемами образования, здравоохранения, торговли и т.д. Как отмечает В.В. Дегоев, «национальный колорит не вытеснялся и не подавлялся, а органично срачивался с имперской культурой, дополняя и обогащая ее» [1]. В результате горские общности по многим аспектам простой, повседневной жизни постепенно начинали видеть в имперской администрации организатора их новой жизни по рациональным правилам, что скорее привлекало, чем отталкивало.

В многообразии форм и методов российской колонизации крылись просчеты и достижения, ошибки и успехи. Но при всех минусах и огрехах политики России на Кавказе «системное начало преобладало над стихийным. Была конечная цель, более или менее четкое представление о методах ее достижения. Опыт взаимоотношений Петербурга с кавказской периферией, основанный на объективных реалиях и горьких уроках, заставил отказаться, во-первых, от известной колониальной модели («господствующая нация — метрополия — эксплуатируемая заморская колония»), во-вторых, от полной унитаризации империи» [2].

Одним из наиболее важных направлений этой политики было желание распорядиться присоединенными или завоеванными землями. Захват жизненного пространства, переселение запорожских,

хоперских, донских, волжских казаков в контактную зону с горскими общностями, постоянные перемещения аулов мирных горцев с одного места на другое однозначно свидетельствовали о приоритете «права» сильного в действиях российских властей.

Сложившуюся ситуацию очень верно характеризовал исполняющий обязанности Главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютант Г.Д. Орбелиани, который в письме министру Д.А. Милютину писал: «Мы разрушили старый порядок владения землями, но не могли еще создать никакого нового порядка. Общества, отдельные аулы и даже отдельные семейства, приносившие покорность, или оставляемы были на старых местах жительства, или, что бывало чаще, переселялись на новые указанные им места, но как в том, так и в другом случае им указывали земли только примерно и временно» [3].

Главной целью царского правительства стало, во-первых, умиротворение народов, покоренных в ходе Кавказской войны и улучшение их быта, во-вторых, приспособление этого края к новым условиям пореформенной России.

Процесс вхождения региона в состав империи «упирался», с точки зрения коронного правительства, в административно-политическую и социально-экономическую власть горской дворянско-княжеской элиты. Посягнуть на нее во время Кавказской войны было опасно. Но как только обозначился перевес военных сил в пользу России, правительство стало последовательно наступать на права горских феодалов. Дело в том, что раздельное поселение зависимых крестьян и владельцев лишило бы их реальных рычагов давления и управления подвластным населением.

Одновременно менялась этносоциальная политика России в регионе. Наряду с силовыми формами решения возникающих проблем, шло гибкое, прагматичное приспособление к региональным реалиям с использованием соответствующей дипломатической и социальной стратегии («ухаживание» за местной знатью, веротерпимость к неправославному насе-

лению, сохранение той или иной степени автономии за вновь приобретенными территориями») [4]. Государство стремилось не просто интегрировать местные социальные элиты, а органично срастить их с властью и обществом. Именно для этого им давали образование, чины, должности, возможность сделать карьеру на престижном поприще.

Одной из главных задач, стоявших перед российским правительством на Северо-Западном Кавказе, стало решение земельного вопроса.

Несмотря на колоссальные различия в характере землевладения в центральных районах России и у горских народов Кавказа, идея социальных преобразований в той или иной форме как в России, так и здесь не могла быть реализована без законодательного решения земельного вопроса. Взаимосвязь сословно-поземельных отношений была настолько тесной и явной, что «русскому правительству, — подчеркивал М.М. Ковалевский, — пришлось считаться с сословной организацией горских народов при устройстве поземельного быта» [5].

После завершения Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе, введения военно-народного управления у горских народов, решения проблемы замирения края перед кавказской администрацией возникли другие, гораздо более сложные вопросы организации мирной жизни и интеграции разоренных войной обществ в общеимперское пространство. Отказываясь от военного противостояния с Россией, княжеско-дворянские сословия, владельцы зависимых крестьян и холопов, старшины аулов требовали реальной, на основе российских законов, легитимизации своего статуса и инкорпорации в социальную среду российского общества. Отсюда неиссякаемый поток прошений с требованием закрепить за просителем тот или иной участок земли в потомственную и неотчуждаемую собственность. В этих условиях коронная власть считала необходимым перераспределить земельные владения, закрепить население к земле, сделать его менее подвижным и экономически

более состоятельным. Такими шагами правительство надеялось подкупить горскую элиту, вместе с этим завоевать симпатии горских крестьян, поддерживая их стремление к улучшению своего положения и к освобождению от крепостной зависимости [6].

Однако, считая нежелательным наступление на феодальные права местной горской элиты, особенно тех, кто заслужил особое доверие России в отношении узаконения прав местного населения на занятые им земли, правительство ограничивалось лишь временными распоряжениями, которые затем упразднялись не раз.

Между тем свое хозяйственное неустойчивое на неопределенное положение в землевладении и землепользовании акцентировали внимание высшей власти на Кавказе практически все сословия и общества.

Переселения целых аулов, которые практиковали российские власти, вынужденная и естественная миграция, появление в среде горцев значительного числа офицеров, выходцев из крестьянского сословия, требующих «земельного довольствия», разрушали традиционную систему землевладения и землепользования. Поземельные споры и тяжбы между появившимися казачьими станицами и владельцами аулов, между обществами, аулами, сельскими общинами и владельцами, князьями и уорками свидетельствовали, что земельный вопрос откладывать было нельзя.

Сложность и острота земельного вопроса, вполне осмысленная российскими властями, стала императивом деятельности кавказской администрации.

Наместник Кавказа А.И. Барятинский подчеркивал, что «с окончанием войны на Кавказе при наступившей возможности отдаться земледельческому труду и при последовавшем затем развитии отраслей сельского хозяйства для каждого горца стало главным жизненным интересом определить свои права на владение и пользование сельскими угодьями» [7].

Нужна была конкретная программа деятельности, демонстрирующая жела-

---

ние правительства идти навстречу жизненным интересам горцев. Постепенно, путем проб и ошибок кавказской администрации, основные принципы аграрных преобразований были выработаны, правда, без учета мнения горцев.

В первую очередь необходимо было определиться с земельным наделом для всех горских сословий. Руководством к действию в решении и этого вопроса стал рапорт графа Н.И. Евдокимова от 17 июня 1861 г. Сторонник жестких административных решений, считающий, что аграрные преобразования необходимо проводить «силой власти, сейчас же, пусть даже произволом», он предложил юридически закрепить земли за оставшимися после ухода в Турцию жителями [8]. Это закрепление должно было состояться на основе существующего российского гражданского законодательства, но с учетом некоторых местных словесных особенностей.

Проект Н.И. Евдокимова предусматривал разделение населения при ставств на три категории, в зависимости от которых население должно было получить наделы, т.е. это была жесткая схема распределения земли, не учитывавшая сложившийся характер землепользования и землевладения у народов региона. Тем не менее, несмотря на его минусы, проект Н.И. Евдокимова был серьезным шагом в направлении создания новых, юридически правомочных земельных отношений в регионе и решении проблемы инкорпорации горских народов в территориальное «поле» России. Поэтому этот документ практически сразу, без необходимой экспертизы и проработки, был одобрен и взят за основу при решении аграрного вопроса на Северо-Западном Кавказе.

Полный вариант концепции земельной реформы в Северо-Кавказском регионе сформулировал и. о. главнокомандующего Кавказской армией Г.Д. Орбелиани. Обосновывая важность предстоящих преобразований, он отмечал, что разрушение устоявшегося порядка землепользования в ходе военных действий, невозможность «устроить материальный быт горцев» служи-

ли одной из причин их враждебности к России, легкости, с которой они уходили к Шамилю, за Кубань, в Турцию... Подчеркнув импульсивность, хаотичность, непоследовательность всех предшествующих мероприятий военной администрации на Кавказе в земельном вопросе, Г.Д. Орбелиани предложил военному министру установить общинную систему землепользования для крестьян, способную защитить их от разорения и обнищания, а из горской элиты создать слой крупных землевладельцев, наделив их участками земли на правах частной собственности. Главным моментом в обоих случаях должно быть наделение горцев постоянными землями. Это будет, как он полагал, «самой действительной мерой для предупреждения новых восстаний» [9].

Формирование класса собственников в условиях военного противостояния — это скорее социально-политическая проблема. Политический аспект определялся надеждами на будущую комплиментарность этой группы действиям правительства, а значит, и на поддержку мероприятий России, проводимых в регионе; социальный аспект — правом создавать новую элиту. По мнению Г.Д. Орбелиани, в нее должны войти не только представители аристократического сословия, которые в связи с предстоящей реформой «теряют свои феодальные права», но и выходцы из среды народов, имеющих «демократическое» устройство, «заслужившие полезной службой и преданностью особое внимание правительства. Эти лица, значительно обеспеченные против других в материальном отношении, в случае какого-либо брожения умов в народе, будут первыми деятелями в нашу пользу». В третью группу должны войти представители простых свободных сословий из аристократических обществ, которые «своим усердием и преданностью принесли нам огромную пользу и в службе достигли тех чинов и наград, которые по законам империи дают права дворянства; эти лица полезно было бы также отличить назначением им в собственность поземельных участков с целью

поселить в народе убеждение, что верная служба в глазах правительства стоит не ниже прав рождения» [10]. Таким образом, во всех горских обществах появится собственник земли, который станет реальной социальной и военной опорой правительства на местах. Проект Г.Д. Орбелиани в Петербурге был принят в общих чертах, но быстрого решения земельного вопроса за счет передачи части полномочий верховной власти Кавказской администрации не произошло, что затруднило и растянуло по времени порядок и процесс юридического закрепления земли собственниками и аулами.

Затем в сентябре 1861 г. прибывший в ставку Верхнеабдзехского отряда император Александр II принял депутацию от шапсугов, абдзехов и убыхов. Он объяснил депутатам, что прибыл сюда как друг, а не враг, желает сохранения народов, предлагал им не бросать родных мест, а жить с русскими в мире и дружбе. При этом он предложил дать согласие на прокладку через свои земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Александр II обещал, что все издержки переселенцам возместит казна. Предложение императора не нашло у депутации поддержки. В поданном прошении они попросили не прокладывать дороги в горах, не строить крепости и не заселять станицы, что «сохранило бы статус-кво, неприемлемое для царского правительства» [11].

В завершении встречи Александр II предложил в месячный срок решить вопрос о переселении горцев на Кубань, где они получают землю в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд. В противном случае пусть переселяются в Турцию [12].

Историческая перспектива потери политической, административной и социальной свободы за счет сохранения экономической, религиозной и, отчасти территориальной автономии, горцам Кавказа оказалась непривлекательной. Добровольных же переселенцев Александр II приказал «наделить достаточным количеством земли для хлебопашества и пастбищ» [13].

Опасаясь осложнения отношений с горцами, развития недоверия местному начальству, 9 декабря 1861 г. П.Д. Орбелиани разрешил Н.И. Евдокимову «теперь же приступить к наделу покорных горцев землей». Параллельно с этим он предложил Евдокимову ввести подворную подать с местного населения из расчета 5 коп. с десятины или 50 коп. с каждого двора с объяснением, что через три года после водворения на новых местах они должны будут платить наравне с другими покорными племенами по 3 руб. со двора на содержание их собственного управления. Он считал, что «здесь должна быть основана новая эра финансовых оборотов края, столь изобилующего источниками богатства» [14].

Одной из важнейших проблем коронной власти было освоение края. Поэтому 10 мая 1862 г. Александр II утвердил «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» [15], подготовленное канцелярией начальника Кубанской области. Третья статья «Положения...» предусматривала изъятие 1 360 000 десятин удобной земли у горцев для занятия казачьими станицами. По мнению В.П. Невской, это была программа узаконенного грабежа горцев. В ее основе «лежало правительственное указание об экспроприации горских земель и передаче их казачеству». Отобрав у горцев их исконные, веками принадлежавшие им земли, предлагалось согнать их в отведенные для них места. Душевой надел горца сокращался до 4-5 десятин [16]. Сокращение надела начальник области обосновал тем, что «для горцев большой земельный надел положительно вреден» [17].

Трансформация позиции начальника Кубанской области, ранее настаивавшего на энергичном решении земельного вопроса, связана, видимо, с изменением стратегической ситуации в регионе. В течение года, с весны 1861 г. до весны 1862 г., в Закубанском крае было основано 35 станиц с населением 5482 семейства, образовавших

4 конных полка. Согласно этому документу только в 1862-1863 гг. в Адигее были основаны первые станицы: Абадзехская, Даховская, Верхне-Фарсовская (Царская), Севастопольская, Каменноостская, Келермесская и Дагестанская. 26-месячное перемирие с абадзехами, в ходе которого разрабатывался проект наделения горцев землей, закончилось [18]. Все должно было решиться в открытом бою. И решилось 21 мая 1864 г. победой царизма над горскими народами.

Представляется, что победителей в этой войне не было. Проиграли обе стороны. Реализуя идеи о необходимости перемен, правительство провело ряд кадровых перестановок. Были вынуждены уйти в отставку наместник Кавказа фельдмаршал А.И. Барятинский, «покоритель» Кавказа Н.И. Евдокимов. В управлении Кавказским наместничеством на место старых боевых генералов, искавших по отношению к горцам опору «в одной только силе», пришли более умеренные генералы, которые «хотели достичь цели правительства другими, сообразными с духом времени и христианской цивилизацией методами» [19]. Новый наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, начальник Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов, начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, начальник Горского управления Кавказского наместничества Д.С. Старосельский и другие стали «проводниками» реформ на Северном Кавказе.

Обсуждая мероприятия по подготовке реформ у горских народов, наместник Кавказа предложил начать эту работу с определения аграрных отношений и провести в первую очередь земельные преобразования.

В решении этого вопроса большую роль сыграл военный министр, генерал-адъютант Д.А. Милютин. 5 апреля 1870 г. Д.А. Милютиным в Кавказский комитет была отправлена записка «О необходимости законодательно утвердить проект распределения земель Лабинского округа Кубанской области». В ведомости, приложенной к проектной карте этого округа, пред-

лагалось 21 аулу, где проживало 14423 души (мужского пола, выделить земли, удобной — 131636 дес., неудобной — 6343, всего 137979 дес, т.е. на самом деле земли было выделено на 7217 дес. больше. Эта сверхположенная норма земли была своеобразным возмещением ущерба, нанесенного неудобными землями, оказавшимися в черте отведенных этим аулам земель. Такое приращение земли допускалось Кавказской армией.

Почетным туземцам, причисленным к I и II категориям этого же округа, которых насчитывалось 179 душ, было отведено 16920 дес. земли удобной и 628 дес. неудобной земли по той же причине. Эти ведомости были утверждены Кавказским комитетом Санкт-Петербурга 23 апреля 1870 г. за п. 356 [20].

26 августа 1870 г. военный министр Д.А. Милютин направил в Кавказский комитет записку «О необходимости дополнительно наделить землей почетных горцев и офицеров из горцев в Урупском и Зеленчукском округах Кубанской области». В приложенной к записке ведомости отмечалось, что в этих округах 44 лицам почетных горцев и офицерам определялся надел в 3010 дес. удобной земли и 14 дес. неудобной земли, а всего 3924 дес. [21].

16 января 1871 г. Д.А. Милютин отправил в Кавказский комитет Записку «О необходимости утвердить проект наделения землей в частную собственность почетных горцев Псекупского округа Кубанской области». Из прилагаемой к записке ведомости следует, что 82 почетным туземцам Псекупского и частью Лабинского округов Кубанской области причиталось в надел 7540 дес. земли при этом только 314 дес. земли неудобной [22].

Таким образом, решение проблемы интеграции горских народов в территориальное пространство Российской империи оказалось не легче, чем завоевание Северо-Кавказского региона. Особенно тяжелым оказалось решение аграрных отношений. Дело усугубилось разделением по предложению Н.И. Евдокимова горцев на три катего-

рии, согласно которым они наделялись землей. Центральная власть пыталась решить проблему в пользу феодальной горской верхушки, пытаясь таким образом привлечь ее и на свою сторону. Не менее назревшим и сложным было освоение края за счет казаков и других переселенцев из Российской империи.

Заселение ими земель, опустевших после страшного исхода в Турцию, сопровождалось неудобствами, противоречиями, поземельными спорами и тяжбами, которые порой заканчивались стычками. Тем не менее, проблемы решались, хотя медленнее, чем требовала конкретная ситуация.

Примечания:

1. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004. С. 47.
2. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 326.
3. Силаев Н.Ю. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860-1970 гг. // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. №2 С. 176.
4. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе... С. 323.
5. Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. №12. С. 151.
6. История народов Северного Кавказа. (конец XVIII — 1917 гг.). М., 1988. Т. 2. С. 261-262.
7. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII — начала XX вв. Архивные материалы и научные исследования. Нальчик: Эль-фа, 2006. С. 428.
8. Там же. С. 430.
9. Там же. С. 431.
10. Там же. С. 432.
11. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 265.
12. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. Майкоп, 1993. С. 81.
13. Гаилов Н.Д. О земельном устройстве горских племен Терской области. Тифлис, 1905. С. 5.
14. Берозов Б.П. Путь, равный столетию. Орджоникидзе, 1986. С. 146; Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII-начала XX вв. ... С. 435.
15. Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1962. С. 17.
16. Невская В.П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе // Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Нальчик. 1958. Вып. 1. С. 230.
17. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986. С. 94.
18. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Кавказская война. М., 2005. С. 165.
19. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII — начала XX вв. ... С. 437.
20. Ведомость к проектной карте распределения земель Лабинского округа Кубанской области // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII — начала XX вв. ... С. 453-468.
21. Там же. С. 473.
22. Там же. С. 476-481. (Цифры подсчитаны мной по данным ведомости).

References:

1. Degoev V.V. The Caucasus as a part of Russia: the formation of the imperial identity // The Caucasian collection. V. 1 (33). M., 2004. P. 47.
2. Degoev V.V. A big game in the Caucasus: history and the present. M., 2001. P. 326.
3. Silaev N.Yu. The selected documents of the Caucasian Committee. Russia's policy in the North Caucasus in 1860-1970 // The Collection of Russian Historical Society. M., 2000. No. 2 P. 176.
4. Degoev V. V. A big game in the Caucasus ... P. 323.

-
5. Kovalevsky M.M. The land and class relations of the mountain dwellers of the North Caucasus // *Russkaya Mysl*. 1883. No. 12. P. 151.
  6. History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century — 1917). M., 1988. V. 2. P. 261-262.
  7. The agrarian relations of the peoples of the North Caucasus in the Russian policy of the XVIII century — the beginning of the XX century. The archival materials and scientific researches: in 2 v. Nalchik: El-fa, 2006. P. 428.
  8. Ibidem. P. 430.
  9. RGIA. F. 1268. Op. 12. 105. L. 74 ob. // Quoted on «The agrarian relations of the peoples of the North Caucasus in the Russian policy of the XVIII century — the beginning of the XX century. ...». P. 431.
  10. Ibidem. P. 432.
  11. Sketches of history of the Kuban territory since the most ancient times till 1920 / ed. by N. Ratushnyak. Krasnodar, 1996. P. 265.
  12. Esadze S. The conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian war: a sketch of the Caucasian and mountain war in the Zakubansky territory and at the Black Sea coast. Maikop, 1993. P. 81.
  13. Gaibov N.D. On the land organization of the mountain tribes of Tersky area. Tiflis, 1905. P. 5.
  14. Berozov B.P. A way equal to century. Ordzhonikidze, 1986. P. 146; The agrarian relations of the peoples of the North Caucasus in the Russian policy of the XVIII century — the beginning of the XX century. ... P. 435.
  15. The regulations on the settling of the foothills of the western part of the Caucasian Ridge by the Kuban Cossacks and other immigrants from Russia. SPb., 1962. P. 17.
  16. Nevskaya V.P. A colonial policy of tsarism in Circassia and Karachai on the agrarian question // The Collection of works of Karachai-Circassian State Teachers' Training Institute. Nalchik. 1958. Issue 1. P. 230.
  17. Dzhimov B.M. Socio-economic and political situation of the Adyghes in the XIX century. Maikop, 1986. P. 94.
  18. Fadeev R.A. Letters from the Caucasus // The Caucasian war. M., 2005. P. 165.
  19. The agrarian relations of the peoples of the North Caucasus in the Russian policy of the XVIII century — the beginning of the XX century. ... P. 437.
  20. The register to the design card of distribution of lands of the Labinsk district of the Kuban area // The agrarian relations of Northern Caucasus peoples in the Russian policy of the XVIII century — the beginning of the XX century. ... P. 453-468.
  21. Ibidem. P. 473.
  22. Ibidem. P. 476-481. (The figures are counted up by me according to the register data).